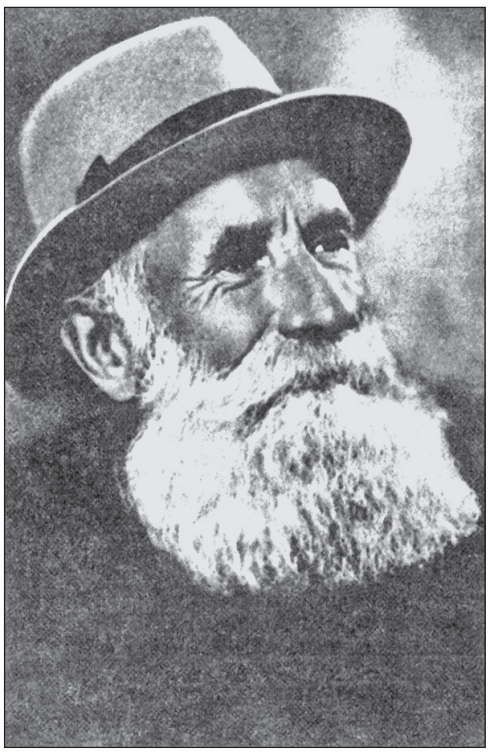

Наши земляки: жизнь и судьба

Не о чем печалиться?

Есть неподалёку от Кашина деревня Челагино. Для нас, районных газетчиков, поездки по деревням и сёлам – привычное дело. Нередко маршруты повторяются, но материал для публикаций находится в лбом случае , тем более что повод всегда оказывается разный.

Так и с Челагином: бывать здесь довелось в разное время года, с разными людьми. От этих поездок остаётся двойственное, смешанное чувство. С одной стороны, ощущение простора, света и чистоты, возникающее от соприкосновения с русской природой, с её скромной и в то же время столь многое выражающей красотой. С другой – от поездки к поездке исчезает радость, а всё больше накапливается печаль, досада и тревога.

Деревня Челагино, писали в старину, расположена «по правую сторону от Тверского торгового тракта, в шести верстах от уездного города, при колодце». Существовала она тут не одно столетие и большой, по-видимому, никогда не была. В 1859 году, например, в ней насчитывалось одиннадцать дворов, хотя народу проживало порядочно – 86 человек, 41 мужчина и 45 женщин. Домов за полтора столетия в ней не прибавилось, зато местных, коренных жителей осталось совсем мало.

Подобные факты давно уже никого не удивляют: деревни в нашем многострадальном Нечерноземье начали умирать и безлюдеть не сегодня и даже не вчера. На первый взгляд, Челагино ничем не отличается от множества таких же небольших и неприметных деревенек в российской глубинке.

Однако здесь всё-таки случай особый. Место это вполне могло бы стать знаменитым – если бы мы, кашинцы, того по-настоящему захотели и вовремя свои усилия приложили. Да беда в том, что сослагательное наклонение существует в учебниках и художественных произведениях, а к реальной жизни «бы» не применимо. Что произошло – то произошло, время вспять не повернёшь, случившееся не воротишь и не переиграешь. Хотя...

Когда-то деревня Челагино была владельческой. Спустя восемнадцать лет после реформы 1861 года в семье бывшего крепостного Ивана Симакова родился сын Василий.

Именно он, Василий Иванович Симаков, и есть знаменитость деревни Челагино, да и только ли одного Челагина...

Его называют самоучкой, и действительно он, выходец из бедной крестьянской семьи, всего добился и достиг сам.

В девятнадцатом веке простому деревенскому мальчишке не полагалось много учиться: походил одну зиму в школу, и его отдали в услужение к кашинскому купцу.

Когда хозяин умер, Василий перешёл к другому. И тут судьба ему улыбнулась, потому что этим «другим» оказался Николай Петрович Черенин, немало сделавший для пропаганды книг и развития культурных традиций в Кашине. Что-то такое сумел разглядеть Черенин в исполнительном и расторопном деревенском пареньке, поставил его торговать в своём книжном магазине. Благодаря Николаю Петровичу Симаков пристрастился к серьёзному чтению, занялся самообразованием, окончил коммерческое училище и получил профессию бухгалтера. Забегая вперед, скажу, что он вообще всю жизнь учился много и упорно. В тридцать шесть лет окончил фельдшерскую школу, в сорок стал слушателем медицинского факультета Московского университета.

Ещё во время службы у Черенина Василий Иванович почувствовал склонность к литературному труду, начал писать стихи, рассказы, заметки, посылал их в различные газеты и журналы.

В 1906 году он написал честную и горькую статью «Голос из деревни», которую опубликовал журнал «Мирское дело». Статью сочли крамольной, а самого автора неблагонадёжным. В 1909 году его арестовали и сослали в Вологду. Там Симаков по-настоящему увлекся собиранием фольклора. Хотя, по свидетельству его родных, первые записи народных песен и частушек он сделал еще в 1897 году. На Вологодчине им были записаны первые пять тысяч текстов.

Вернувшись из ссылки в родные края, Симаков какое-то время служил в Ярославле у К.Ф. Некрасова, племянника поэта Николая Алексеевича Некрасова. Константин Фёдорович ценил его деловитость, знания и начитанность.

К тому периоду относится еще одно увлечение Симакова – историей русского лубка. Он увидел в этом явлении не простые «картинки», а целый пласт народной культуры. Тогда же он начал собирать книги, к концу жизни став обладателем богатейшей библиотеки, в которой находились издания фольклорной и лубочной литературы XVIII – XIX веков практически полностью, редчайшие старинные книги; обширным был раздел по русской поэзии, медицине.

Ему везло на встречи с яркими личностями, с известными в России людьми. Одно время он работал в Москве вместе со знаменитым книгоиздателем Иваном Сытиным. И сам Симаков, несомненно, был человеком незаурядным, заметным, хотя и в высочайшей степени скромным. Сохранилось семейное предание, что вскоре после Октябрьской революции В.Д. Бонч-Бруевич приглашал Симакова возглавить в Совнаркоме сельскохозяйственный сектор. Василий Иванович по отношению к царскому правительству был настроен критически, но и новая власть у него больших симпатий не вызывала. Поэтому от предложения он отказался, предпочитая заниматься тем, что было ему действительно по сердцу.

Он мечтал создать энциклопедию русской песни по лубочным картинкам и подготовил для этого около двух тысяч текстов.

Обладая цепким, наблюдательным умом, начал писать книгу «Москва, которая ушла». Впрочем, как он сам признавался, делал он это «для себя», понимая, что власти большевиков вряд ли понравится, что сын бывших крепостных жалеет прошлое.

Симаков собрал огромный частушечный материал. Он одним из первых в России стал издавать народные частушки массовым тиражом, печатал в газетах и журналах «Призывы» собирать народную частушку и просил отсылать собранный материал в местные краеведческие организации, музеи, Академию наук.

В 1913 году в Ярославле вышел его «Сборник деревенских частушек» – первое солидное собрание подобного рода. Тогда же Симаков выпустил брошюру «Несколько слов о деревенских припевках, частушках», затронув целый ряд серьёзных тем: что такое частушка, как она слагается, каково её историческое прошлое, как смотрит на неё народ. Ценность этих материалов в том, что они содержат наблюдения о внутренних процессах, переживаемых народной песней и частушкой, о бытовых связях города и деревни.

Все эти наблюдения были очень кстати, так как в это время вокруг частушки разгорались страсти. Она становилась самой популярной формой народного творчества, однако многие учёные филологи не признавали её, видели в ней вырождение народной поэзии.

Симаков доказал теснейшую связь частушки с устной поэзией и песенным творчеством русского народа. В исследовании «Жизнь крестьянской девушки-северянки по народным частушкам» он рассматривает эти короткие песенки как источник познания души народа.

Поражает объём работы, проделанной Симаковым. В 1934 году он передал в Московский государственный литературный музей 60 тысяч частушек, а в 1954 году отдал на хранение в Литературный отдел Государственного архивного управления 100-тысячный свод частушек, состоящий из 24 томов.

Но собирал и изучал он не только частушки. Василий Иванович был знатоком и большим ценителем народной песни и романса, немало сделал для их популяризации.

В статье «О народной песне» он писал: *«Песня славная, песня задушевная, песня величавая, песня могучая. Вот эпитеты для русской песни. Песня такова и в действительности: она и задушевна, она и могуча, она и величава, и красочна, как пёстрый весенний луг со своими душистыми цветами. ... Подслушивайте песню! Записывайте её на память! Храните её, как дорогое сокровище и как спутницу вашей жизни при радости, при печали, при работе!»*

Творческое наследие В.И. Симакова не исчерпывается только частушками, песнями и статьями. Он передал в Институт языкознания АН СССР шесть томов систематизированных им материалов: торговая поэзия; заметки об условных, тайных и профессиональных языках; синонимы в торговом быту; торгово-бытовой словарь, краткие заметки и пояснения к нему; словарь офенского языка.

Наблюдать за речью торговцев Василий Иванович начал, ещё когда ему самому приходилось стоять за прилавком. С.И. Ожегов называет эти наблюдения «своеобразными букетами профессионально-стилистических вариантов к общенародным словам из сада народной речи».

В самом деле, сколько юмора и скрытой иронии в репликах-советах покупателям не упустить товар: *зачаливай, загребай, карабкай, не лови мух, лафа служит*. Если товар оказался плохим, негодным, говорили: *нажёгся, накололся, втетюхался, попал на неходяку, неходуна словил, сочинил ошибанцию, обдерганцию купил, распромаше-маше дал* и тому подобное. Когда же торговцам удавалось сбыть плохой товар, на их языке это означало: *вбагрил, вторбанил, подкрутил неходунца.* Нерешительных покупателей называли *рытик, фыркун, шатун, кисляк, шлык.* Забавны и остроумны характеристики ходкого товара: *борзой орёл, ходунец, конёк, нелёжка, убежал без ног, лежал, как пуля.*

На ярмарках народ толпился у тех лавок, где за словом в карман не лезли, где умели рассмешить, расхвалить товар: *«Вот она, вот она, всякая снедь: треска и сельдь, клюква подснежная, белорыбица нежная, рыжечки, груздочки, всякие снеточки, изюм и халва, и китайская трава, кушайте, питайтесь, на нас не обижайтесь! Берите повкуснее, платите посходнее!..»*

Когда читаешь эти реплики, перед глазами встаёт шумный ярмарочный мир.

Поразительно, как много сумел сделать этот одарённый, талантливый и неугомонный человек!

И вроде бы нельзя сказать, что его имя забыто. Неоднократно печатались статьи о нём в областных и центральных изданиях, в нашей газете, в энциклопедических справочниках и словарях, выходили тематические сборники, устраивались Симаковские встречи и научно-практические конференции, посвящённые его памяти. Ни одна фольклорная экспедиция, приезжающая в наш район, не обходит вниманием деревню Челагино и творчество Симакова.

Материалы о нём есть в краеведческом музее и центральной библиотеке.

Казалось бы, не о чем печалиться. Но...

Сегодня добраться до Челагина несложно, мимо него проходит ведет асфальтированная дорога. Однако если вы приедете без провожатых, да ещё не летом, когда в деревнях полно народу, а в осеннюю или зимнюю пору, вам не сразу удастся найти дом, в котором жил Василий Иванович Симаков, а уж тем более – услышать рассказ о нём.

На доме – ни мемориальной доски или таблички, никаких указателей.

– Кому их демонстрировать-то?! – с горечью сказала нам как-то местная жительница. – Теперь это мало кого занимает.

А в один из недавних наших приездов в Челагино молодые люди, узнав, что мы приехали ради дома Симаковых, огорошили вопросом:

– Покупаете?

Е. МОРОЗОВА

(Продолжение следует)

Наши земляки: жизнь и судьба

Не о чем печалиться?

(Продолжение. Начало в № 30)

Люди, знавшие Василия Ивановича Симакова, вспоминали, что он любил говорить: «Пожил я немало». Свой жизненный путь он начал 2 (14) августа 1879 года, а окончил 18 августа 1955 года и был похоронен невдалеке от родной деревни, на кладбище у поселка Первомайский – бывшего села Георгиевского, или Егорьевского.

У него была квартира в Москве, но жить он предпочитал в деревне и хотя основными его занятиями были литература, устное народное творчество, любил крестьянский труд, занимался сельским хозяйством.

Будучи заядлым букинистом, нередко наведывался в книжные магазины Москвы и Ленинграда, интересовался старинными изданиями, книгами по фольклору. Одевался он просто, держался скромно, однако же во всём облике этого невысокого приветливого человека с красивой окладистой бородой угадывалась подлинная интеллигентность и культурность. Всех поражала его начитанность.

«Я уверен, что трудовой подвиг Симакова еще получит свою оценку, и сколько бы Василий Иванович не отмахивался при жизни от признания – признание это придёт, и добрым словом помянет не один исследователь имя кашинского крестьянина, русского писателя Василия Ивановича Симакова». **Писатель В.Г. Лидин**. («Неутомимый труженик»).

Любовь к книге передалась и его сыну. Алексей Васильевич Симаков более четверти века проработал в Книжной лавке писателей в Москве: начинал продавцом, потом стал товароведом, впоследствии заведовал писательским отделом, был директором лавки.

Писатель В.Г. Лидин, хорошо знакомый с семейством Симаковых, вспоминал: *«По ходу одной из моих работ мне понадобились книги по добыче золота. Я мельком сказал об этом как-то Алексею Васильевичу, и уже буквально через неделю он сам притащил мне огромную пачку книг, найденных его стараниями в букинистических магазинах. Он был по-детски рад, что смог оказать мне эту услугу и что книги оказались к месту».*

Алексей Васильевич прожил недолго: он скончался в 1956 году на пятьдесят втором году жизни. Сказалась война: он ушёл на фронт в 1941 году, Победу встретил в 1945-м в Берлине.

У тех, кто его знал, осталась о нём светлая чистая память. Его портрет висел в Книжной лавке рядом с портретами русских писателей.

Любил Челагино и внук Василия Ивановича, Владимир Алексеевич Симаков. Он здесь и родился, в 1927 году. Окончив Московский горный институт, занимался научной деятельностью. Он академик Академии горных наук В 1973 году ему было присвоено звание доктора технических наук; в 1975 году он стал профессором, в 1983-м – лауреатом Государственной премии. Владимир Алексеевич автор семи исследований, пяти учебных пособий, им опубликовано 87 научных работ.

Каждое лето, пока позволяли силы и здоровье, он приезжал в Челагино с супругой и детьми. Поддерживал знакомство с сотрудниками Кашинского краеведческого музея.

У Владимира Алексеевича была мечта опубликовать труды деда. Он рассказывал, что решение об издании огромного наследия, собранного В.И. Симаковым, принималось ещё в конце 50-х годов, вскоре после смерти Василия Ивановича. Сторонников у этой идеи было немало, в их числе – профессор, автор «Словаря русского языка» С.И. Ожегов, писатель В.Г. Лидин. Но... годы шли, уходили из жизни люди, знавшие Василия Ивановича Симакова и понимавшие ценность проделанного им труда. Тем временем наступила перестройка, начались реформы, рыночные отношения. Литфонд оказался без средств. Владимир Алексеевич обращался в Союз писателей России, отнеслись к нему сочувственно, но практической помощи он не получил.

Попытки сделать что-то серьёзное для увековечения памяти В.И. Симакова и издания его работ возобновились уже в наше время. Высказывались мысли создать либо музей Симакова, либо музей частушки, проводить на его родине фольклорные праздники и фестивали, подобно Троицким гуляньям в Торжокском районе.

Хорошие мысли, дельные, да их ведь ещё осуществить надо. И тут проявляется извечная наша болезнь: как только дело доходит до «кто будет делать?» и «где сегодня взять энтузиастов?», вопрос повисает в воздухе.

С энтузиазмом в современном обществе действительно плоховато. А в данном случае нужны к тому же не просто энтузиасты, а специалисты, чтобы затея не превратилась в «веселуху-развлекаловочку» на потребу публике. Увы, в последнее время так чаще всего и происходит, под предлогом «народ устал от серьёзного». Как будто от бескультурья народ не устал.

Скептики утверждают, что создать полноценный музей в современных условиях – нереально, фантазия и прожектёрство: ни району, ни тем более сфере культуры или образования такое не потянуть. Мол, и так ни краеведческий музей, ни школы, ни библиотеки к этой теме не остаются безучастны.

Так-то оно так, но тема, если в неё как следует вникать, остается до конца не изученной и не раскрытой. По счастью, живы люди, которые о Василии Ивановиче Симакове знают не из газетных и журнальных публикаций. Несколько лет назад в посёлке Первомайский мы познакомились с местной жительницей Надеждой Ивановной Барановой. Сама она из Челагина, работала техником-технологом обувного производства в Кимрах, около двадцати лет назад вернулась в родные края.

«Василий Иванович Симаков трудами своими напоминает о важности изучения питательных источников литературного языка – просторечия, социальных диалектов. И только ли языкознание может быть обогащено материалами, собранными В.И. Симаковым? Можно прямо сказать, что труды его окажут существенную помощь для исследования многих внутренних процессов русского языка и художественной литературы нашего времени». **Профессор С.И. Ожегов.** («Народный филолог»).

Вот её рассказ:

– Наш дом стоял как раз напротив дома Симаковых, мы с их семейством и до сих пор знаемся. Василия Ивановича я помню, хотя он в Москве жил, а в деревню наведывался. Просил нас собирать частушки, песни и ему приносить. Время было тяжёлое: война, жили бедно, он нам давал бумагу, тетради, и мы туда записывали, что от родителей, от бабушек-дедушек или от кого из деревенских услышим – пять копеек частушка.

Он и песни старинные собирал, как их пели в нашей местности – «Когда б имел златые горы», «Хас-Булат удалой»... Частушки пели разные, в основном – под простой напев, какой обычно гармонист наигрывал, под «цыганочку», а то и под говор. Василий Иванович соберёт все записи и уедет в Москву, там их обрабатывает и печатает, потом снова в деревню приезжает.

Раньше, конечно, у нас много было хороших песельников: и голоса красивые, и столько знали песен, сами и музицировали. Ольга Ивановна Симакова – Василию Ивановичу она доводилась двоюродной сестрой – вела литературу в Туровской школе, прекрасно играла на гитаре, пела. Она с сестрой моей дружила. Ещё были Наталья Михайловна Кузнецова (Громова) и сестра ее Лидия Михайловна. Анна Александровна Малышева играла на баяне и на гармошке, она на всю округу была знаменита: если свадьба или праздник какой – первым делом её звали. Теперь уж такого не услышишь, некому стало петь да играть.

Воспоминания местных жителей собирала в своё время Зинаида Григорьевна Лапина, много лет проработавшая в Первомайской библиотеке. Со слов старожилов она поведала:

– Василия Ивановича в окрестных деревнях уважали за его книжность и в то же время – за простоту, ценили, что в нашем краю родился и жил такой человек. В каждой деревне были свои гармонисты, балалаечники плясуны, ни одно гулянье или праздник не обходились без песен, частушек. Сейчас это уже «не в моде», а жаль.

Ещё бы не жаль! Вместе со старинными народными песнями под гармонь и балалайку уходит традиция, уходит культура русской деревни. Частушки, правда, поют. Только кто их, кроме разве что тверских фольклористов и этнографов, записывает!.. Да и те не каждый год приезжают.

Поле деятельности для местных краеведов, что называется, широкое и непаханное.

Зинаида Григорьевна Лапина и в бытность свою библиотекарем, и после ухода на заслуженный отдых по своей доброй воле присматривала за могилой Василия Ивановича Симакова, благо от посёлка Первомайский до кладбища рукой подать. Но годы берут своё, и теперь ей это уже не под силу. У родственников Симакова навещать его могилу не всегда, похоже, получается.

А из кашинцев мало кто вообще знает, что у нас в районе, на одном из сельских кладбищ, похоронен знаменитый человек.

Сельские кладбища в глубинке – такая боль и печаль, что словами не передать. Здешнее – не исключение. Есть на нём и ухоженные могилки, и прокошенные дорожки к ним, но общая картина не радостная, впечатление остаётся удручающее.

Огромные ивы и тополя, местами высохшие, местами поваленные, заросли черёмухи, бузины, шиповника, чертополох и крапива едва ли не в человеческий рост, кое-где уже и борщевик насеялся...

Года три или четыре назад идея проложить маршрут в Челагино – Первомайский и устраивать экскурсионные поездки с познавательной целью для любителей истории, старины и фольклора, вообще для всех желающих возникла у ребят из Молодёжного совета. Они предложили, чтобы Общество изучения Кашинского края и наша газета оказали им в этом информационную поддержку.

Нашим интересам это вполне соответствовало, тем более что кое-какой опыт такого взаимодействия, небольшой, но вполне удачный, уже имелся. Перед этим были поездки в Салтыково, на родину героя Отечественной войны 1812 года генерала Ивана Николаевича Дурново, по деревням и сёлам, откуда родом наши земляки – Герои Советского Союза; по местам, где есть воинские захоронения или установлены памятники и обелиски кашинцам, павшим в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. Цели при этом ставились самые что ни на есть благородные. Во-первых, там, где необходимо было, прибирались, наводили порядок по мере возможностей, возлагали цветы. Во-вторых, тут же устраивали что-то наподобие краеведческого лектория, или, как ребята называли, – ликбеза: один или два человека готовили основной материал, другие слушали, добавляли, что знают сами.

Получалось неплохо, захотелось то же самое сделать и тут.

И мы поехали в Челагино.

Е. МОРОЗОВА

(Продолжение следует)

Наши земляки: жизнь и судьба

Не о чем печалиться?

(Окончание. Начало в № 30-31)

...И мы поехали в Челагино.

Перед самой поездкой выяснилось, что никого из родственников Симакова в деревне нет, поэтому решили ехать прямиком на кладбище.

«Газель», на которой мы приехали, остановилась у бывшей весовой Егорьевского льнозавода – тоже бывшего. Разговоры разом прекратились, такое гнетущее впечатление произвёл на всех вид полуразрушенных, заброшенных и ветшающих строений.

– Это что за Чернобыль?! – вырвалось у кого-то из ребят. И они, юные, выросшие в новом веке, недоуменно качали головами, слушая о том, что было тут, не так давно, производство, работало предприятие, трудились люди, привозили колхозы и совхозы лён на переработку, да куда-то всё кануло...

Правда, потом дорога пошла через зелёную луговину, пестревшую цветами, мимо белоствольных берез и кудрявых кустарников, и народ несколько приободрился и повеселел.

Ненадолго. Потому что мы подошли к кладбищу, к его центральному входу.

Путь к месту захоронения Симакова пришлось прорубать, как сквозь джунгли, через поваленные деревья и заросли буйной кладбищенской растительности. Расчистили вполне приличный, широкий проход, вырубили, выпилили и выкосили всё вокруг могилы Василия Ивановича, а заодно и вокруг соседних, почистили и покрасили оградку, поправили могильный холмик и посадили цветы-многолетники, привезённые с собой из Кашина.

Потом расположились неподалёку, на берегу Яхромы, и обстановка оказалась самой что ни на есть подходящей, чтобы поговорить о том, как тесно всё переплетается в нашей жизни: судьба народного филолога Симакова – и судьба деревни Челагино, прошлое села Георгиевское – и сегодняшний день посёлка Первомайский...

Через год, но уже другим составом, с краеведами, мы вновь приехали сюда.

Пройти от центрального входа до могилы Симакова не смогли: всё вновь заросло крапивой, чертополохом, бузиной и черёмухой, а пил и топоров на этот раз мы с собой не взяли. Нашли тропку, не совсем удобную, зато короткую, с другой стороны, и всё, что полагается сделали: в оградке и вокруг прибрались, памяти Василия Ивановича и его родных поклонились.

По этой тропке ходим мы теперь каждый год. Но беда в том, что ездить удаётся не часто, а сорняки и кусты разрастаются быстро. Да и если уж благоустраивать место захоронения (а по логике вещей – всё кладбище) – так по-настоящему. Так что идея возить сюда экскурсии пока повисла в воздухе – стыда ведь не оберёшься.

Не приходится, повторюсь, обольщаться и насчёт создания музея Василия Ивановича Симакова, во всяком случае, в обозримом будущем, и насчёт издания его трудов...

Однако сумели же всем миром привести в порядок могилу фотографа Василия Арсеньевича Колотильщикова на Серговском кладбище в Кашине. Была договорённость и могилы других известных людей постепенно облагораживать. Как говорится, сам Бог велел.

Но вообще говоря, это лишь одна сторона дела.

Проявить своё отношение к личности Василия Ивановича Симакова и к делу его жизни можно и иным образом. Вспомните слова С.И. Ожегова: ведь не просто так Симаков столько лет занимался фольклором, собирал и записывал песни и частушки. Они были, по его убеждению, богатейшим материалом для изучения жизни народа и для понимания его душевного склада. Но разве отпала необходимость в этом сегодня?

Из нашей повседневности уходит многое, что ещё не так давно было привычным, обиходным для селянина и горожанина. Уходит песенная культура. Много ли сегодня найдётся людей, которые в семейном кругу или с друзьями поют песни, да и многие ли их знают – если не русские народные, то хотя бы из советской песенной классики?..

Впрочем, судя по данным фольклорных экспедиций, побывавших в нашем районе несколько лет назад, люди такие есть, и они, как правило, личности незаурядные, немало могут рассказать.

Частушка оказалась более жизнеспособной, она звучит на семейных торжествах, на праздниках и конкурсах. Замечательные частушечники есть во многих деревнях и сёлах – в Зобнине, Леушине, Никольском, Пестрикове, есть они и в Кашине. Но, как правило, это люди зрелого возраста. Да и записывал ли кто-нибудь сочиняемое ими? Чаще всего это и всерьёз не воспринимается: «Эко дело – частушку спеть!». А сами сочинители обычно скромничают.

Получается, мы и тут теряем, едва ли как следует осознавая это.

Однажды довелось мне познакомиться с таким человеком. Звали его Павел Никифорович Жигулин, жил он в Серговке. Весёлый, словоохотливый, улыбчивый – а между тем с непростой судьбой, переживший войну и вообще хвативший лиха. Сам себя называл Матрёнычем: «Меня батька мало ростил, всё больше матушка, а матушка моя была крещена Матрёной, стал быть, я Матрёныч и есть».

Мы были у него в гостях с корреспондентом журнала «Сельская новь». Он играл нам на гармонике и на балалайке, заводил старенький патефон и показывал тетради с записями, вести которые начал ещё в Великую Отечественную вой-ну. В одной был его дневник, в другой – списки жителей деревень Гордеево (там он жил прежде) и Серговка, с именами, отчествами и годами жизни.

Ещё две объёмистые общие тетради были с частушками.

– Вот тут у меня 400 частушек, а вот тут – поболе пятисот, – добродушно посмеиваясь, без какой-либо похвальбы или заносчивости говорил он и тут же, открыв тетради на угад, начинал вслух читать свои записи. – Ну что, не зря бумагу марал?!

Полистать тетради и даже кое-что переписать из них позволил, однако с собой хотя бы на день-два, как мы ни упрашивали, не дал: «Приходите в другой раз и переписывайте сколько угодно».

Однако другого раза не случилось. Павла Никифоровича не стало, тетради его не сохранились.

«Не Бог весть какие ценности в них были», – сказала нам в утешение его родственница. Да как знать...

До горечи обидно, что истинную ценность многих явлений и вещей мы начинаем понимать, когда исправить и изменить что-либо уже невозможно.

Об этом столько раз говорили мы во время поездок на родину Симакова с ребятами и друзьями-краеведами. О том, что при всей многопланово поставленной у нас в районе краеведческой работе остаётся малоизученным, а точнее – почти не затронутым целое направление, и притом интереснейшее – этнография, народное творчество, фольклор, в том числе и современный. Что широкое поле деятельности открыто в этом смысле для музейных работников, для учреждений культуры и библиотек, для учащихся и преподавателей. Что при желании можно всё-таки найти единомышленников-энтузиастов – они, по счастью, не перевелись среди кашинцев – и возродить традицию фольклорных праздников, посвященных Василию Ивановичу Симакову. Попытки такие в 90-е годы были, и весьма удачные. Почему бы о них не вспомнить!

...На этом, собственно, я думала завершить статью. Однако позвонила давняя наша подписчица, в своё время активно с газетой сотрудничавшая, писавшая заметки, как тогда говорили, «на злобу дня»:

– Вот, читаю о Симакове... Ну что сказать, всё вы правильно пишете. Только, извините, не ко времени это. Раньше надо было общественность будоражить. А сегодня люди другие стали, и потребности у них другие, им бы свои проблемы разгрести. Да и уровень культуры, воспитания в общей массе не тот. Кого вы думаете этим зацепить? Не знали они о Симакове и о том, что могила его заброшена, – ну и не знали, жили себе преспокойно, так и дальше проживут. Вы что хотите сказать, что только на этом кладбище так?! Равнодушие кругом, вот что, – и, вежливо попрощавшись, положила трубку, уверенная в своей правоте.

Да, равнодушия в современной жизни хватает, проблем в ней ещё больше, и народ стал «не тот». Но было бы слишком просто и неверно находить объяснение происходящему только в этом.

Ничего случайного в мире нет. И то, что происходило и происходит с нашими деревнями и сёлами, да и со старинными русскими провинциальными городами, с их жителями, а в б*о*льших масштабах – с нашей памятью и культурой, – тоже ведь далеко не случайно.

Пресловутая фраза «не ко времени» не сегодня возникла. Кладбище, где покоится прах Василия Ивановича Симакова, его родных и односельчан, заросло и задичало отнюдь не в одночасье. И ведь были возможности, чтобы придать ему, а значит, и захоронениям, подобающий божеский вид, сделать удобный подъезд, вычистить аллеи и дорожки: были средства, была техника у близлежащих хозяйств и льнозавода. В ту пору и край этот не выглядел заброшенным, и людей тут жило порядочно, и были они помоложе, в силе. Но... удобнее оказалось сослаться на то, что «не ко времени», что полно других, насущных забот.

А там жизнь закрутилась и завертелась, и тем более идеи с благоустройством кладбища, с увековечиванием памяти Василия Ивановича Симакова сделались «не ко времени». Село выживало, как могло, и не всегда ему хватало сил, чтобы выстоять.

В первые наши приезды в эти места нам нравилось возвращаться в Кашин не по шоссе, а проселочной дорогой, через поля и сенокосные угодья «Красного путиловца». Радостно было видеть, как растут всходы, наливаются колосья, как волнуются под ветром густые травы, словно зелёное море, как ходит кругом техника, вершится привычный земледельческий труд.

Той же дорогой ездили и в этом году, только радости уже не испытывали. Пора стояла сенокосная, но тихо и пусто было вокруг, так что не по себе делалось.

Почему вдруг вспомнилось об этом, речь-то вроде бы о другом – о знаменитом земляке, о нашем к нему отношении, причём тут колхозные беды и неурядицы?.. Только ведь действительно ничего случайного в жизни не бывает, и все дела и события, которые на нашей земле совершаются, между собой связаны – то ли нашей памятью, то ли забвением.

Е. МОРОЗОВА

Выражаю благодарность Анастасии и Елене Михайловне Комковым, Галине Борисовне Волковой, Олесе Владимировне Большаковой, Дарье и Светлане Викторовне Хомяковым, Виктории Гулямовой, Анжеле Довженко, Алине Васильевне Коровиной и всем, кто помогал собирать материал при подготовке этой публикации.